

Булгакова О. А.

ПОЛИСЕМΙΑ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, МОТИВИРОВАННЫХ ИМЕНАМИ ТГ "ДЕРЕВЬЯ И КУСТАРНИКИ" КАК РЕЗУЛЬТАТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КЕМЕРОВСКИХ ГОВОРОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/8.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 27-30. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

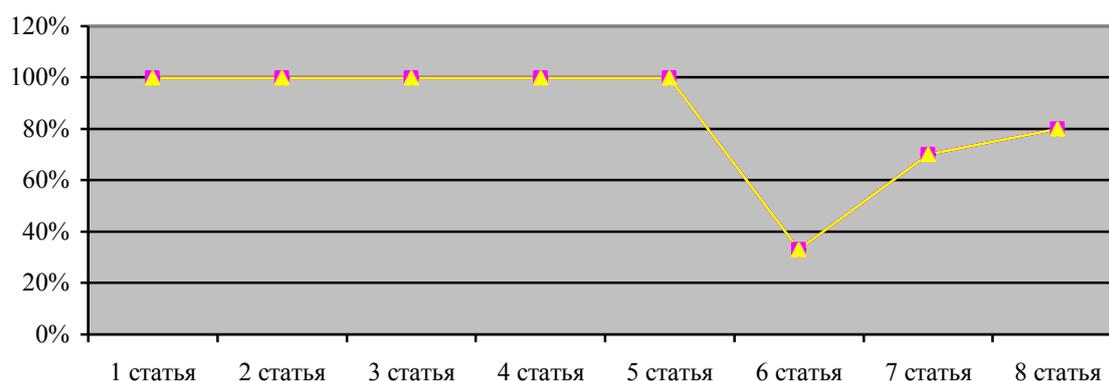
Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Диаграмма 2. Результаты анализа влияния размещения метафор в заголовке статьи на мотивацию к ее прочтению французскими испытуемыми

Ответы испытуемых показали, что в пяти случаях (100%) из шести использование метафор в заголовке мотивирует к прочтению статьи и способствует прогнозированию ее содержания. При этом анализ результатов эксперимента демонстрирует адекватную (соответствующую реальному содержанию) интерпретацию содержания экономической статьи.

Исключение составила статья с названием “*Deux mariages et un enterrement*”. Только 33% испытуемых указали, что они могли бы получить информацию о трудностях, с которыми сталкиваются страны, входящие в ЕС. Ответы остальных продемонстрировали, что метафоры могут “затемнять” понимание. Они либо не вызывают никаких ассоциаций, либо навеяны “ложными” ассоциациями: с судьбой Э. Тейлор, с фильмом, имеющим похожее название. С другой стороны, из личной беседы с испытуемыми мы выяснили, что метафоры в названии данной статьи интригуют читателя, чем вызывают интерес к ее прочтению.

Прогнозирование получения возможной информации из двух статей, в названиях которых все слова использованы в своих прямых значениях (статьи под № 6 и № 7), не всегда адекватно их действительному содержанию (соответственно, 80% и 70%).

Таким образом, экспериментальным путем было подтверждено наше предположение о роли использования метафор в сильной позиции (заголовки) как стимула к прочтению статьи с целью получения интересующей читателя информации экономического характера, а также их влияния на прогнозирование содержащейся в статье информации.

Список использованной литературы

1. **Петрова, С. Н.** Семантика декодирования: новые подходы / С. Н. Петрова // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. - Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990. - С. 57-65.
2. **Постовалова, В. И.** Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебrenников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. - М.: Наука, 1988. - С. 8-69.

ПОЛИСЕМИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, МОТИВИРОВАННЫХ ИМЕНАМИ ТГ «ДЕРЕВЬЯ И КУСТАРНИКИ» КАК РЕЗУЛЬТАТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КЕМЕРОВСКИХ ГОВОРОВ

Булгакова О. А.

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

В последние годы усилился интерес исследователей к вопросам взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Язык есть зеркало как общечеловеческой, так и национальной культуры, в словах запечатлелись наблюдения народа над самим собой и над окружающим миром.

Интерес к изучению языковой картины мира имеет достаточно давнюю историю. Основы представления национальной картины мира в языке были заложены В. фон Гумбольдтом, который полагал, что влияние языка на человека настолько сильно, что оно определяет его мышление и познавательную деятельность [Гумбольдт 1984].

Дальнейшее развитие его идеи получили в концепции слова А. А. Потебни, согласно которой внутренняя форма слова отражает его национальную специфику. «Как отдельное слово становится между человеком и предметом, так и весь язык (как мирозерцание высшей единицы, народа) - между человеком и действующей на него природой... Человек, высновывая из себя язык, тем же актом вплетает себя в его ткань; каждый народ обведен кругом своего языка и выйти из этого круга может только перешедши в другой» [Потебня 1993: 2].

На основе теории В. фон Гумбольдта в дальнейшем развились многочисленные подходы, исходящие из того, что язык обеспечивает категоризацию мыслительной деятельности, а последняя, в свою очередь, категоризацию мира, который воспринимает и в котором действует индивид. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результат познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется «языковая репрезентация мира», «языковая модель мира», «языковая картина мира».

Язык в работах, опирающихся на постулат о существовании языковой картины мира, рассматривается как моделирующая система, автоматически придающая любой внелингвистической информации, сообщаемой в речи, когнитивный образ, семантическую интерпретацию, соответствующую своеобразной логике философии, поэтике («духу») – как сказал бы В. фон Гумбольдт) данного конкретного языка.

Будучи условным естественносемиотическим способом экспликации знания и шире – информации, сообщаемой в речи, языковая картина мира в каких-то своих качествах исторически, культурно, эстетически, психологически мотивирована, ее образы и семантические модели приспособлены к субъективно-личностному статусу сознания.

Создаваемый субъективный образ окружающего мира всегда объективно ограничен опытом общества в целом, поскольку за каждой мыслью человека в конечном счете лежит не только его личный жизненный опыт. Индивидуальное восприятие и описание любого объекта или явления не детерминировано жестко: каждая ситуация может быть по-разному описана языковыми средствами. Способы вербализованного конструирования мира зависят от разной степени детализации (в зависимости от прагматической установки индивидуума), разной степени точности, от выбора точки зрения (за каждой лексической единицей стоят соответствующие сценарии, структуры знания и эмоциональные оценки).

Свойственные носителям языка представления о мире находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно привыкает к ним, а будучи свойственными всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком. Иными словами, язык и образ мышления взаимосвязаны. Как отмечает А. Д. Шмелев, «с одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [Шмелев 2002: 12]. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» и «формируют» образ мышления носителей языка.

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как частичке этого мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый язык вырабатывает определенный способ концептуализации мира. Мировидение народа отражается в характерных для языковой картины мира данного народа концептах, которые, являясь основной единицей ментальности, создаются в актах познания в процессе восприятия мира.

Языковая картина мира формируется в ходе номинативной деятельности человека и в наибольшей степени отражается в лексике говорящего коллектива. Территориальные диалекты являются своеобразными «накопителями» национальной специфики, отражая национальную культуру, духовную и материальную жизнь носителей языка.

Языковая картина мира связана с концептуальной картиной мира. Эта связь выражается в том, что элементы языковой картины мира служат средством экспликации элементов наивной картины мира и строятся по общему с ней принципу категоризации. Языковая картина мира представляет собой проекцию концептуальной системы нашего сознания, в которую входят как врожденные концепты, сложившиеся в ходе предметно-познавательной деятельности, так и концепты, вычлененные из повторяющихся в семантических структурах слов объединений концептов.

В словообразовании ярче всего реализуется идея связи сознания со структурой языка. Словообразование дает возможность понять, какие ценности удерживает сознание. Оно эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, их значимость для носителей языка. Именно словообразование позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности, определить, какие ее элементы словообразовательно маркируются и почему, и тем самым выяснить, что в языковом сознании того или иного народа является жизненно и социально важным. Уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательного детерминирования свидетельствует о его значимости для носителей языка. Эта избирательность словообразования позволяет проиллюстрировать своеобразие перцепции и оценки человеком окружающего его мира. Оценивание действительности с точки зрения потребностей, интересов и установок познающего субъекта формирует глубинную основу системы ценностей народа [Вендина 1998: 10].

Своими особыми картинами мира характеризуются также различные диалекты русского языка. Так, ТГ мотивирующих «деревья» в кемеровских говорах представлена существительными, обозначающими лиственные и хвойные породы деревьев, а также плодовые деревья.

Существительные, называющие лиственные породы деревьев и кустарников, мотивируют производные имена в аспекте объекта отождествления, объединения, произрастания, использования, сравнения. Производные имена существительные имеют значения: «место по растущим на нем деревьям» (березник, осинник,

тальник, дубняк, березняк, ивняк); дрова из определенной породы деревьев» (березник, березняк), «строительный материал из определенной породы деревьев» (березник, березняк), «листва деревьев» (березник), «прутья» (тальник), «грибы по месту произрастания» (осинник, березка, осинка, березняк), «кора» (ивняк), «сок по выделяющему его дереву» (березовка), «трава по внешнему сходству» (березка), «кустарник» (ивняк). Производные имена, образованные по модификационным типам словообразования, имеют значения: «совокупность деревьев» (березник, осинник, тальник, березняк, ивняк), «единичность» (тополина, березина), «уменьшительно-ласкательное к дереву или кустарнику» (березка, осинка, талинка), «уменьшительно-ласкательное к совокупности деревьев» (березнячок, березничек).

Субстантивы, называющие хвойные породы деревьев, мотивируют производные в аспекте объекта отождествления, произрастания, использования, обитания, сбора. Мотивированные ими имена существительные имеют значения «место по растущим на нем деревьям» (ельник, кедровник, орешник, пихтовник, кедрач, пихтач, сосняк, кедрина), «строительный материал» (пихтовник, пихтач, кедрач, сосняк), «ветки деревьев» (ельник), «птицы по месту обитания и объекту питания» (кедровник, кедровка), «животные по месту обитания и объекту питания» (кедровка), «плоды по дереву» (кедровка), «дрова» (пихтач), «лицо по объекту воздействия» (кедрач). Производные, образующиеся по модификационным типам словообразования, имеют значения: «совокупность деревьев» (ельник, кедровник, орешник, пихтовник, кедрач, пихтач, сосник), «единичность» (кедрина), «уменьшительно-ласкательное к дереву» (елочка, пихточка), «уменьшительно-ласкательное к хвое дерева» (пихточка).

Существительные, называющие плодовые деревья и кустарники, мотивируют производные имена со значениями: «дерево или кустарник» (боярышник, малиношник, малинашник, черемошник, черемушник), «место по растущим на нем деревьям или кустарникам» (ежевичник, боярышник, брусничник, калинник, малинник, малиношник, смородяжник, черемошник, черемушник, рябинник), «ягоды» (малинник, черемошник, черемушник); «пирог из ягоды» (калинник), «птица по объекту питания» (калинник, рябинник, калинка, малиновка, калиновка), «человек, собирающий ягоды» (калинник, калиничник, калинщик), «человек, который продает определенную ягоду» (калинщик), «листья ягодных кустарников» (малинник, малиношник, малинашник, лимонник, апельсинник), «настойка из ягоды» (калинка, рябиновка). В рамках модификационного словообразования производные субстантивы имеют значения: «совокупность деревьев, кустарников» (калинник, рябинник, ежевичник, брусничник, боярышник, черемушник, черемошник, малинник, малиношник, смородяжник, малинник), «уменьшительно-ласкательное к дереву» (калинка, яблочко), «уменьшительно-ласкательное к ягоде» (калинка, малинка), «уменьшительно-ласкательное к плоду дерева» (яблочко), «уменьшительно-ласкательное к совокупности деревьев, кустов» (орешничек).

Родовое существительное дерево образует один полисемант - деревяшка - 1. Что-либо деревянное: «А валеk - это деревяшка с ручкой». 2. Искусственная деревянная нога: «Я на своей деревяшке далеко не хожу». 3. О бесчувственном, равнодушном человеке: «Деревяшка он бесчувственный, я волнуюсь, переживаю, а он ни одного письма не напишет». Многозначность развивается за счет внутрисловной деривации на основе сужения значения (деревяшка₂) и метафорического переноса (деревяшка₃).

Существительные, обозначающие части растений и деревьев, мотивируют производные субстантивы в аспекте объекта изготовления (берестянка, дуплянка, берестяник), объекта сбора (шишкарь), объекта воздействия (шишкач), объекта отождествления (дуплянка).

Полисемантов зафиксировано два: дуплянка - 1. Дупло в дереве: «Дерево, а в нем дуплянка выдолблена». 2. Улей: «Ульи-дуплянки из дерева выдалбливали». 3. Птица: «В дуплах живут дуплянки - птицы так называются» и листок - 1. Уменьш. к лист: «Я листок сорвала, в руках размяла». 2. Бланк для занесения определенных сведений: «Принеси-ка мне тот листок с рецептом». Первый является результатом межсловной, второй - межсловной деривации от разных ЛСВ мотивирующего имени, сопровождающейся внутрисловной деривацией.

От существительных, обозначающих совокупности деревьев (лес, бор, тайга, сад), зафиксировано 2 полисеманта: таежник - 1. Человек, живущий в тайге: «Дед у меня таежник, зимой и летом из тайги не вылазит». 2. Медведь: «Люди называют и медведя таежник» и лесина - 1. Одно дерево: «Я такая озорная была, зарила все гнезда птиц, полезла на лесину, а сук оборвался, рубашка порвалась». 2. Ствол дерева: «Долбленки делали: брали лесину, выдалбливали мужики, на долбленках и плавали». В первом случае (таежник) наблюдается повторная реализация словообразовательной модели в результате актуализации мотивационных отношений в аспекте места действия, во втором случае (лесина) развитие многозначности осуществляется за счет семантической деривации метонимического типа «целое - его часть».

Итак, у существительных, называющих деревья и кустарники, выделяются следующие деривационно значимые ТГ: имена лиственных пород деревьев и кустарников, хвойных пород деревьев, плодовых деревьев и кустарников, части растений и деревьев, совокупности деревьев. Каждая из этих ТГ является деривационно значимой, т.е. детерминирует на уровне производных специфичные ЛСЗ. Так, производные, называющие лиственные породы деревьев и кустарников, имеют ЛСВ со значениями «лист», «кора», «гриб», «трава», «сок», отсутствующие у существительных, называющих хвойные породы деревьев. Последние в свою очередь включают в состав ЛСВ со значениями «птица», «животное», «плоды», «человек, собирающий плоды, ягоды», отсутствующие у первых.

У имен, называющих плодовые деревья и кустарники, специфичными являются ЛСВ со значениями «плоды (орехи, ягоды)», «пирог из ягоды», «человек, собирающий плоды», «корзина для ягод».

Вместе с тем, выделенные ТГ мотиваторов проецируют тождественные ЛСЗ, сквозные для дериватов с различными исходными ТГ. Так, общими для производных, мотивированных существительными, называющими хвойные и лиственные породы деревьев, являются ЛСВ со значениями: «дерево по дереву», «совокупность деревьев», «место по растущим деревьям», «ветки дерева», «дрова», «строительный материал».

Ядро большинства полисемантов, мотиваторами которых являются субстантивы, называющие деревья и кустарники, составляют ЛСВ: 1. Дерево по дереву. Куст по кусту - березник, осинник, кедрач, пихтач, черемушник и др. 3. Место, где растут деревья, кусты - березник, березняк, кедрач, пихтовник, кедровник, черемушник, малинник, калинник и др. Ядро полисемантов соотносится с семантическим ядром СТ «С+ник», «С+ач», «С+няк», где достаточным количеством лекс представлены данные ЛСЗ. В силу того, что перечисленные ЛСЗ оказываются ядерными для рассматриваемых типов, синонимичные полисеманты (ср.: березник - березняк, сосник - сосняк, кедрач - кедровник, малинник - малинник и др.), сохраняясь, параллельно употребляются в говоре.

Производные имена, формирование семантики которых осуществляется путем модификации, имеют значения «уменьшительно-ласкательности», «подобия», «собираемости», «единичности».

Полисемия производных, образованных по модификационным СТ, развивается за счет семантической деривации, являющейся отражением мотивационных отношений между ЛСВ мотивирующего существительного: елка - 1. Дерево. 2. Узор → елочка - 1. Ум. -ласк. к дереву. 2. Ум. -ласк. к узор.

Полисеманты, образованные по мутационным СТ, развивают многозначность за счет межсловной деривации в результате объективации разных аспектов семантики мотивирующего имени (ср.: береза - объект отождествления - березник₁ 'то же, что береза'; береза - объект сравнения - березник₆ 'трава') или вследствие многократной мотивации в одном аспекте (ср.: береза - объект использования - березник₄ 'лист березы' и березник₅ 'трава').

В литературном языке полисемия субстантивов от мотивирующих имен ТГ «деревья и кустарники» представлена значительно беднее, чем в анализируемом говоре, так, например, лексемы березник, березняк, березка, осинник, кедрач в литературном языке имеют всего одно значение.

Эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что словообразовательный акт, в ходе которого устанавливается связь между предметом мысли и языковым знаком, является когнитивным актом, раскрывающим механизмы взаимодействия жизни и языка. Причем это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, дающее систему ориентиров в предметном мире. Именно этим объясняется факт словообразовательной избирательности; в языке семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет практическую и познавательную ценность в повседневной жизни народа.

Список использованной литературы

1. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). - М., 1998.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984.
3. Потебня А. А. Мысль и язык. - Киев, 1993.
4. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. - М.: Языки славянской культуры, 2002.

РАЗВИТИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Буцик О. В.

Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск

Цель современной школы - выявить способности, помочь детям найти свой путь, к какому бы имущественному цензу не относились их родители.

Во главу угла ставится самостоятельная интеллектуальная работа учащихся, самоорганизация их познавательной деятельности. Образовательный процесс в этом случае коренным образом преобразуется: позиция «учитель впереди ученика» должна поменяться на позицию «ученик впереди учителя».

Особенность старшего школьного звена состоит в том, что на базе сформированного уже за девять лет обучения «фундамента» (так называемых элементов и составляющих любого интеллектуального труда), средняя школа может наиболее оптимально и целенаправленно совершенствовать личностные интеллектуальные, познавательные, креативные, эмоциональные способности и склонности будущего выпускника.

Рассматривая креативность как познавательную универсальную творческую способность, предположим возможность формирования или развития креативности в процессе литературного обучения. Поскольку любое художественное произведение - это результат творческой деятельности автора, а для любого человека, тем более, формирующего свою аксиологическую систему, наблюдение за чужой жизнью есть возможность провести параллели с собственной судьбой.

Поэтому литература как отражение чьей-то жизни - есть мощное средство поддержания хотя бы бытового интереса к деятельности, а метод анализа - лучшее условие формирования творческих способностей учащихся.

Подобное овладение знаниями, материальной и духовной культурой связано с развитием способностей человека. А развитие способностей обуславливается требованиями всестороннего развития личности. В. Н.